

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Введение в школьную и вузовскую программу разделов, посвящённых русскоязычной литературе Беларуси, потребовало не только интенсивного научного обсуждения данного феномена, но и создания хрестоматий, дающих представление о наиболее интересных и типичных произведениях этого пласта художественной словесности.

В серии «Школьная библиотека» соответствующими запросам системы образования тиражами были изданы сборники избранных произведений современных белорусских русскоязычных авторов. Примечательно, что понятию «современность» в должной степени отвечает лишь состав произведений и авторов сборника современной русскоязычной драматургии, составленного известным литературоведом, заведующим кафедрой русской литературы Белорусского государственного университета, профессором С.Я. Гончаровой-Грабовской [2]. Подборки прозы [3] и поэзии не столь строги [1]: в них значительное место отдано произведениям, написанным уже давно, а отбор персоналий вызывает закономерные размышления о критериях отбора.

Но это требует отдельного разговора. Мы же хотим взглянуть на эти издания под несколько другим углом. Точнее, речь пойдёт лишь о сборнике поэтических произведений, который нас интересует с точки зрения представленности в нём различных культурных и этнических пластов, обусловленных самим феноменом существования русскоязычного текста в таком сложном мультикультурном пространстве, каким была БССР, во времена существования которой были созданы многие из представленных стихотворений, и является нынешняя Беларусь.

Нельзя, конечно, не сказать о критериях отбора авторов и произведений. Очень мягко их можно назвать тяготеющими к традиционности. Практически без исключений представлена стремящаяся к полной безыскусности силлабо-тоника, что с точки зрения соответствия реальной поэтической жизни не выдерживает критики. Вкусы и пристрастия составителя, старающегося подобрать соответствующие образовательным задачам тексты, характерны, наверное, для 60–80-х гг. XIX в., но никак не для современного уровня развития поэзии.

В книге собраны стихи пятнадцати авторов. Некоторые из них уже ушли из жизни, другие активны не только в поэзии, но и общественной

жизни, что, разумеется, отчасти может объяснить значительное количество их стихов в сборнике. Но, повторимся, не приблизит читателей к хотя бы приблизительному пониманию многообразия современной поэтической практики. Достаточно назвать лишь имена Дмитрия Строчева и Константина Михеева, чьи стихи, без которых русскоязычная литература Беларуси была бы совсем другой, отсутствуют в книге. Или составитель полагает, что сложные, бросающие интеллектуальный вызов и обязывающие читателя погрузиться в переплетение культурных кодов стихи не являются типичными для современной поэзии?

Открывает сборник блок стихотворений Вениамина Блаженного. Первое стихотворение этого блока, а значит, и сборника, что само по себе всегда имеет знаковый характер, называется «Родословная».

Отец мой – Михл Айзенштадт – был всех глупей

в местечке.

Он утверждал, что есть душа у волка и овечки.

Он утверждал, что есть душа у комара и мухи.

И не спеша он надевал потрёпанные брюки.

Когда еврею в поле жаль подбитого галчонка,

Ему лавчонка не нужна, зачем ему лавчонка? [1, с. 3].

Несомненно, стихотворение напоминает нам о специфике этнических и культурных процессов на территории нынешней Беларуси, о личном опыте жизни самого Вениамина Блаженного, родившегося в местечке Копысь. Поэтому, наверное, в заключительных строчках стихотворения используются и переданные в кириллической версии иноязычные слова:

– Ах, Мишка – «Михеле дер нар» – какой же

ты убогий!

Отец имел особый дар быть избранным у Бога.

Отец имел во всех делах одну приметку – Совесьть.

.....
Вот так она и родилась, моя святая повесть [1, с. 3].

Поэзия Блаженного очень многослойна. Наряду с тончайшими религиозными переживаниями у него есть очень чувственная, с мощной эротической энергетикой, лирика, где мучительно переживается «телесная жгучая тайна». Надо сказать, что составитель отобрал стихи, в которых в основном доминирует религиозная составляющая его лирики («Боже, как хочется жить!...», «Господь, между нами стоит кто-то третий», «Опять я нарушил какую-то заповедь Божью»).

Следующий после Блаженного поэт, представленный в сборнике, Анатолий Аврутин. Это автор, наш современник, в стихах которого очень значителен пласт переживаемых образов русской культуры и истории. Если бы не дань значительному поэтическому авторитету Блаженного, то сборник русскоязычной поэзии Беларуси вполне мог открываться стихами Аврутина. Свой поэтический генезис, укоренённость в русской классической поэтической традиции он подчёркивает постоянно.

Да, мы такие... Нечего пенять.

Уходят божества. Минуют сроки.

Но вновь: «Умом Россию не понять...».

Но вновь: «Белеет парус одинокий...» [1, с. 17].

Он и в своих статьях, многочисленных выступлениях, в полемически заострённых репликах в литературно-критических спорах отстаивает своё право называться русским поэтом.

«Русский поэт» – пусть напишут на камушке...

Просто без имени: «Русский поэт»... [1, с. 19].

Многим стихам Анатолия Аврутина предшествуют эпитафии, взятые из наиболее известных, находящихся на слуху произведений С. Есенина, А. Пушкина, К. Бальмонта. Он буквально живёт в пространстве русской литературы, а любимые поэты предстают как реальные собеседники.

Я чаще там, где профиль Анны.

Где Блок, стремящийся на фронт,

Где мне рукой махнёт жеманно

Худой, взерошенный Бальмонт [1, с. 25].

Он торопится «спасти Есенина от петли / И Гумилёва от ЧК». Но справедливости ради стоит отметить, что почитаемый им поэтический пантеон практически не выходит за пределы школьной программы. Как в анализируемой подборке, так и во всём массиве лирики Анатолия Аврутина мы не обнаружим не освященных традициями сложившейся образовательной практики имён и произведений.

Но важнейшей характеристикой поэзии Анатолия Аврутина является её насыщенность историческими, культурными, топонимическими реалиями Беларуси, его любимого Минска. У него есть несколько стихов, в которых чередуются строки на русском и белорусском языках. Можно сказать, что он постоянно акцентирует внимание на особой культурной миссии русского поэта в Беларуси.

У Светланы Евсеевой русская этнокультурная составляющая поэзии почти не выявлена и тяготеет к использованию стандартных образов, воспринимающихся досадно банальными: дуэль Пушкина, дуэль

Лермонтова, Дантес, Мартынов. Понятно эмоциональное состояние Евсеевой, заявляющей, что «на дерзость право на исходе лет / мне сохранить важнее, чем фигуру», но когда основательно пожилая женщина восклицает: «Я разожгу костёр хоть под закат», привлекая в качестве жизненного ориентира трагические судьбы великих поэтов, ушедших из жизни молодыми, это не убеждает.

Пытается найти себя в современном мире, который переживает стремительную глобализацию, Андрей Скоринкин. Он обо всём пишет с необычайной серьёзностью. Примечательно, что подборка его стихов начинается с вариации «Памятника» Горация, где Скоринкин, осовременивая способы трансляции художественно значимых текстов, без тени улыбки и сомнения заявляет:

Слух обо мне пойдёт по всей вселенной –
Через журналы, книги, интернет [1, с. 56].

Он откликается на события современности, упоминая кровавую драку, «что завязалась под небом Ирака», трагедию подводной лодки «Курск», массовую гибель людей на станции метро «Немига» в Минске, для него характерно избыточное тяготение к апокалиптическим пророчествам.

Особое место в сборнике занимают стихи патриотической направленности, воспевающие красоты Беларуси, её народ, обращённые к драматическим моментам истории страны. Очень уместно, когда о любви к Родине деликатно и тонко говорится в контексте тяготеющих к эпичности стихах Бориса Спринчана («Библия Скорины», «Туровщина», «Всеслав Полоцкий», «Белая вежа», «Мирский замок»).

Но, объективно говоря, в массе своей это (стихи с патриотическим пафосом) самые неудачные произведения из тех, что представлены в книге. Например, завершается сборник несколькими стихами практически никому не известного поэта Гавриила Шутенко. Вот начальные строки его программного стихотворения «Беларусь родная».

Беларусь родная,
Беларусь моя,
До чего волнует
Красота твоя! [1, с. 266].

Когда много патетики в начале стихотворения, надо ждать каких-то ляпов, свидетельствующих о внутренней неискренности и поэтической несостоятельности. И поэт не обманывает наши ожидания, радостно восклицая:

Пашет в Ставрополье
Трактор «Беларусь».
Беларусь родная,
Я тобой горжусь! [1, с. 266].

Отмечая некие общие черты, объединяющие собранные в сборнике стихи русскоязычных поэтов Беларуси, следует отметить, что, к сожалению, здесь нет авторов и произведений с широким литературным и культурным кругозором, выходящим за рамки стандартных, истёртых банальными ассоциациями тем и образов. И это не означает, что таких поэтов в стране нет. Их много. Они действительно создают современное литературное пространство Беларуси. И их стихи, как нам представляется, обладают очень значительным эстетическим и образовательным потенциалом.

Литература

1. Исповедь : русскоязычная поэзия Беларуси (конец 20 – начало 21 века) : для ст. шк. возраста / сост. Т. Ф. Рослик. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 280 с. – (Школьная бібліотека).
2. Сборник современной русскоязычной драматургии Беларуси : для ст. шк. возраста / сост. С. Я. Гончарова-Грабовская. – Минск : Беларусь, 2010. – 335 с. – (Школьная бібліотека).
3. У каждого своя война : русскоязычная проза Беларуси (конец 20 – начало 21 века) : для ст. шк. возраста / сост. А. Н. Андреев. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 608 с. – (Школьная бібліотека).